

материалах, хранящихся в Рукописном отделе ИРЛИ в вышеупомянутом фонде, которые позволяют полнее осветить деятельность М. В. Матюшина, его работу в ГИНХУКе, ГИИИ и в Академии художеств. Наибольший интерес для восстановления творческой биографии М. В. Матюшина представляет комплекс документов, включающий в себя справки и характеристики, выданные ему для оформления пенсии в 1929—1933 годах. В характеристиках содержится информация об исследованиях Матюшина в области изменчивости цвета и формы в изобразительном искусстве и их оценка. Выставка группы КОРН (Коллектив расширенного наблюдения), организованная Матюшиным и его учениками, является знаковой для истории русского авангарда и представляет собой одно из последних групповых выступлений художников авангарда. На выставке были пред-

ставлены результаты исследований, проводимых Матюшиным и учениками. Декларация группы дает представление о целях и задачах, которые ее участники ставили перед собой. Запись в тетради Матюшина касается истории создания группы и событий, связанных с открытием выставки. Здесь же он пишет о макете «Справочника по цвету», который был издан в 1933 году.

В этом году программа Чтений была расширена в отличие от традиционной: Чтения длились два дня, что позволило оставить время на дискуссии после каждого выступления, в которых принимали участие как докладчики, так и гости. Насыщенность программы и заинтересованность слушателей говорит о насущности поставленных в докладах проблем и о результативности Чтений.

© А. В. Светлова

ЛЕВ ТОЛСТОЙ В ПЕТЕРБУРГСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

В Пушкинском Доме 1 ноября 2010 года прошла научная конференция «Лев Толстой в петербургской филологии», посвященная 100-летию ухода и смерти Л. Н. Толстого. Организаторы конференции свою задачу видели в том, чтобы отдать дань памяти и признания выдающимся ученым, чья научная судьба была связана с изучением творчества Толстого, жившим в Петербурге—Ленинграде и работавшим в его учебных и научных центрах. Основные доклады конференции планировались поэтому как посвящения памяти Б. М. Эйхенбаума, Б. И. Бурсова, Е. Н. Купреяновой, Л. Я. Гинзбург, Я. С. Билинника и других петербургских филологов. Целью конференции была, кроме того, и консолидация сил современных исследователей, при ее открытии прозвучала мысль о необходимости сделать диалог петербургских специалистов по творчеству Толстого регулярным.

На слова Владимира Ильича Толстого, директора Ясной Поляны, праправнука писателя, сослалась, открывая конференцию, А. Г. Гродецкая, старший научный сотрудник ИРЛИ, — не объявленный ЮНЕСКО годом Толстого 2010-й год тем не менее годом Толстого стал. В юбилейном году знаменательные научные события состоялись и в российском, и в международном толстовском сообществе. В декабре 2009 года прошла конференция в Восточном Папском институте в Риме «Толстой и Церковь его времени», в апреле 2010 года состоялись конференции в Миланском университете «Искренность Льва Толстого» и в Военной академии США в Вест-Пойнте, последняя была посвящена «Воине и миру». В мае 2010 года прошли Весенние чтения в ИМЛИ «Толстой и русские писате-

ли», в августе исследователи разных стран собрались на традиционную Международную конференцию в Ясной Поляне «Толстой и мировая литература». Наконец, Международная Толстовская конференция в Корейском университете Сеула и Международный симпозиум «Толстой в XXI столетии» в университете The New School в Нью-Йорке состоялись в октябре.

Научное заседание в ИРЛИ началось презентацией тома трудов Бориса Михайловича Эйхенбаума (1886—1959) «Работы о Льве Толстом» (СПб., 2009), впервые объединившего его не переиздававшуюся десятилетиями знаменитую «трилогию» и статьи разных лет. Составителем, редактором, автором вступительной статьи к тому стал профессор СПбГУ И. Н. Сухих, однако представлял том не он, а участницы издания, составители комментариев Л. Е. Кочешкова и И. Ю. Матвеева. Первые два доклада, отразившие их опыт работы над томом, были, таким образом, посвящены памяти Б. М. Эйхенбаума.

Л. Е. Кочешкова (СПбПУ) поставила в докладе «„Вопрос об историческом Толстом“: книга Б. М. Эйхенбаума „Лев Толстой. Пятидесятые годы“» проблему соотношения «миров» исследователя и писателя. В первой из книг «трилогии», отметила она, ученый рещал проблему метода, отходя от принципов формализма к созданию теории «литературного быта» и рассматривая — в поиске выявления «литературного» и «внелитературного» рядов — сложное единство творческого пути Толстого-писателя и Толстого-помещика. «Вопрос об историческом Толстом», центральный в книге, был подан Эйхенбаумом, как подчеркнула докладчица, в чрезвычайной степени парадоксально: с одной сто-

роны, он пишет о принципиальном толстовском «антиисторизме», с другой — отмечает у него сильный «исторический инстинкт», «необычайную способность эволюционировать». Л. Е. Кочешкова обратила внимание и на отразившееся в книге индивидуальное эйхенбаумовское ощущение времени. По мнению ученого, остро переживавшего в середине 1920-х годов биографический кризис сорокалетия, каждому поколению для активной жизни отведено только десять лет, в соответствии с этим «законом десятилетий» им и были осмыслены в «трилогии» три десятилетия толстовского творчества.

Доклад И. Ю. Матвеевой (СПбГАТИ) «Незавершенная монография Б. М. Эйхенбаума о Толстом» был посвящен относившемуся к 1940—1950-м годам замыслу книги, реализованному лишь в нескольких главах: «Толстой-студент», «Толстой на Кавказе», «Толстой в кругу „Современника“». Работы о Толстом, создававшиеся на протяжении сорока лет и организующие научную биографию Эйхенбаума, демонстрируют, по мнению докладчицы, изменение его исследовательского метода. В поздних работах основной задачей Эйхенбаума становится раскрытие «подлинного исторического смысла» художественного явления, и новая книга о Толстом создавалась им как «историческая биография». По мысли ученого, духовный облик писателя складывался под воздействием разнообразных, противоречивых идейных движений эпохи, что требовало введения в книгу о Толстом большого объема фактических материалов — чтобы Толстой предстал личностью, через которую высказывалась история. «В историческом подходе к творчеству Толстого, — сказала И. Ю. Матвеева, — для Эйхенбаума проявлялся „интимный“ (по определению Л. Я. Гинзбург) смысл, в его поздних работах о Толстом отозвались события его собственной биографии — трагические реалии военных и послевоенных лет».

Полумемуарным и по своей документальности исключительно ценным было выступление Г. Я. Галаган, главного научного сотрудника ИРЛИ, ученицы Бориса Ивановича Бурсова (1905—1997), посвященное его памяти: «Жизнь Толстого, рассказанная им самим». Вспомнив толстовский семинар Бурсова, который ученый вел в Ленинградском университете во второй половине 1950-х — начале 1960-х годов, Г. Я. Галаган сказала: «Разговор о Толстом был не столько филологическим исследованием, сколько размышлением над вечными вопросами бытия. Лекции Бурсова завораживали — создавалось ощущение участия в самом творческом процессе, казалось, что свои открытия ученый сделал сейчас, сию минуту и тут же поспешил щедро поделиться ими с присутствующими. Эта особенность его лекций незамедлительно вызвала ответную мысль слушателей». Из спецкурса Б. И. Бурсова вырос «Семинарий» (1963), разработанные в нем

157 тем предварялись обширным разделом «Жизнь Толстого, рассказанная им самим», в котором движение творческой мысли писателя демонстрировалось на материале его собственных высказываний, расположенных хронологически, от первых дневниковых записей до ухода из Ясной Поляны.

Память профессора ЛГУ Дмитрия Евгеньевича Максимова (1904—1987) посвятила свой доклад «„Идеальная встреча“: „простой человек“ у Лермонтова и Толстого» О. В. Сливичкая, профессор С.-Петербургского университета культуры и искусства. «Хотя у Д. Е. Максимова, — сказала докладчица, — нет специальных работ о Толстом, но он неоднократно говорил, что заниматься Толстым — это плыть по основному фарватеру русской литературы, и в одном из своих важнейших исследовательских направлений — лермонтовском — поднял тему „простого человека“, а это прямой путь к Толстому, который, по словам Розанова, заселил свой мир Максимами Максимычами». «Идеальную встречу» (выражение О. Манделштама) двух художников О. В. Сливичкая представила как встречу в большом времени культуры, на том достигнутом русским романом уровне универсализации, который позволяет говорить о кардинальных антропологических открытиях. «К пониманию Печорина, своего проблемного героя, — продолжила докладчица, — Лермонтов ведет читателя через встречу с сердечностью, альтруизмом и простодушием на грани наивности Максима Максимыча. Однако фабульно значимых отношений у Печорина с ним нет; он *солопожен* Печорину, и взаимодействие между ними глубоко психологическое». Вопрос лермонтовского романа, оправдывает ли глубина и искренность страдания подлинно незаурядного человека то зло, которое он приносит другим, или вопрос о двух ценностях: интеллекте, незаурядном, но эгоцентрическом, и простой человечности, неразлучной с обыкновенностью, об их взаимном, иногда конфликтном, непонимании, решения, с точки зрения О. В. Сливичкой, не имеет. Связь лермонтовского «универсума» с толстовским, по ее мысли, возникает там, где характерология размыкается в философское измерение, хотя между Лермонтовым и Толстым существует и кардинальное различие в месте «простого человека» в жизни высоких героев. «Те, кого Пьер называл *они*, — отметила докладчица, — присутствуют в сознании толстовских героев постоянно, проникая в органику личности, становясь фактором ее роста и постоянным высоким ориентиром, входя в „актуальное я“ души. Совместив в Пьере высокий интеллектуализм и простую сердечность, Толстой представил в органическом единстве то, что у Лермонтова носило альтернативный характер, „я“ его героя обрело возможность открыться миру „других“, „всех“. У Толстого, в его децентрализованном эпосе, ни одна коллизия, в том числе и „сквозная“ проблема

человека из образованных верхов и человека из народа, не господствует, все сопрягается со всем».

О биографии Елизаветы Николаевны Купреяновой (1906—1988), чьи научные интересы, при всем их разнообразии, оказались преимущественно связанными с творчеством Л. Н. Толстого, рассказала в своем выступлении В. Е. Ветловская, главный научный сотрудник Пушкинского Дома. Опираясь на редкие, малоизвестные источники, появившиеся в печати в недавнее время, на собственные воспоминания и сведения, вынесенные из многолетнего общения с Е. Н. Купреяновой, крупнейшим знатоком Толстого, В. Е. Ветловская познакомила слушателей с лицами и фактами из истории двух дворянских родов (Мягковых и Купреяновых), к которым по рождению принадлежала Елизавета Николаевна. «Многое из того, что тщательно замалчивалось и даже скрывалось долгие годы, — сказала докладчица, — теперь из небытия выходит на свет. История дворянских фамилий, в данном случае деятелей либерального, народнического направления, с одной стороны, и консервативного, охранительного направления — с другой, тесно переплетается с политической, военной, культурной историей России с древних времен. Груз традиций, славного прошлого, обязывающий к благородству, плодотворно сказался на научной деятельности ученого — яркого, умного, многосторонне одаренного человека, каким была Е. Н. Купреянова».

Н. Г. Михновец (СПбПУ) в докладе «Я. С. Билинкис о Толстом: исследователь и время» говорила о направлениях развития отечественного литературоведения в 1940—1950-е годы и об особенностях профессионального самоопределения Якова Семеновича Билинкиса (1926—2001). По ее словам, выпускнику филологического факультета МГУ и дипломнику известного текстолога Н. К. Гудзия московское академическое толстоведение близким не было. Уже в 1953 году, сразу после защиты в Ленинграде кандидатской диссертации по творчеству позднего Толстого, Билинкис начинает работать на кафедре русской литературы Тартуского университета, где знакомится с Ю. М. Лотманом. Здесь молодой ученый становится свидетелем процесса оформления нового метода, каким он складывался в эти годы в тартуских дискуссиях. Однако Билинкис, по словам Б. Ф. Егорова, «интуитивист и эстетик» в своем подходе к художественному произведению, не включился в число создателей новой научной школы, а позднее (в 1960—1990-е годы) решительно не принял структурно-семиотический метод. Итоговым в его самоопределении стало возвращение в 1955 году из Тарту в Ленинград и приобщение к эйхенбаумовскому направлению в ленинградском толстоведении. Работу Билинкиса над книгой «О творчестве Л. Н. Толстого. Очерки» (Л., 1959), по мнению докладчицы, опреде-

лили два важнейших обстоятельства: творческое общение с Л. Я. Гинзбург и, как ни парадоксально, тартуский опыт. С одной стороны, ученый рассматривал особенности толстовского историзма в понимании человека и общества, а также предлагал — в духе наступающих в советском обществе перемен — рассматривать личностное начало в человеке в качестве фактора и общественного развития, и литературного процесса. С другой стороны, сопротивляясь научным инициативам тартуских ученых, приглашая их к диалогу и опередив развернувшуюся вскоре дискуссию о возможностях структурно-семиотического описания, Билинкис заявил о собственной исследовательской позиции, которая и нашла выражение в его монографии.

Доклад профессора СПбГУ Е. В. Душечкиной и Хенрика Барана (SUNY, Albany) «С. И. Карцевский о Толстом. (К истории написанной книги)», нарушив ограничительные рамки петербургской толстовианы, представил аудиторией многолетнюю работу над книгой о Толстом С. И. Карцевского (1884—1955), ученика Ф. де Соссюра, члена Пражского лингвистического кружка и издателя одного из самых содержательных педагогических журналов «Русская школа за рубежом». Имя Карцевского, хорошо известное лингвистам как имя блестящего специалиста по русской грамматике и по разработке ряда теоретико-лингвистических проблем, практически не фигурирует в среде литературоведов. Тем не менее изучению литературной деятельности русских писателей, в особенности Достоевского и Толстого, Карцевский уделял много внимания. С конца 1920-х годов Карцевский работал над книгой о Толстом (ряд его статей был опубликован в эмигрантской печати). О непреходящем его интересе к Толстому свидетельствуют статьи «Léon Tolstoï», «О Толстом и о России», работы 1928 года на русском и французском языках «Толстой — классический писатель» и «Проблема истины и лжи у Толстого», кроме того, читавшиеся в Женевском университете курсы «Толстой и Достоевский судят друг о друге», «Два трагических конца: Св. Франциск и Л. Толстой», «Эмерсон и Толстой», «Стендаль и Толстой». Тематика этих (и ряда других) работ отражает взгляды Карцевского по философским и историческим вопросам, а также желание соотнести развитие русской литературы, в частности творчество Толстого, с культурными явлениями европейской цивилизации. К сожалению, книга Карцевского не была завершена. Однако и дошедшие до нас его работы о Толстом, замечания, разбросанные по его рецензиям и письмам, позволяют реконструировать достаточно целостную и оригинальную концепцию творчества русского писателя. Будучи напечатанными, они, несомненно, представляют интерес для современного читателя.

Монографии Якова Соломоновича Лурье (1921—1996) «После Толстого: исторические

воззрения Толстого и проблемы XX века» (СПб., 1993) было посвящено выступление А. Г. Гродецкой (ИРЛИ). Толстой был, судя по всему, «поздней любовью» автора монографии, многолетнего сотрудника Древнерусского отдела Пушкинского Дома, специалиста по истории русского летописания XIV—XV веков и публицистике эпохи Ивана Грозного. Объектом исследования в книге стали, помимо историософской концепции Толстого в «Войне и мире», социально-политические идеи и «исторические прозрения» писателя, оформившиеся в его поздней публицистике, — признанные или же, напротив, полемически оспоренные исторической и военно-исторической прозой, публицистикой и политической практикой XX века (от начала века до М. Алданова, Д. Мережковского, М. Булгакова, В. Гроссмана, А. Солженицына и др.). Главные мысли монографии, исключительно актуально прозвучавшие в начале «перестроечных» 90-х годов, как и намеченные в ней направления исследования, продолжения не получили. Поздняя философско-религиозная и политическая публицистика Толстого, которая могла в перестроечные годы широко зазвучать в общественных дискуссиях, начало чему и было положено также остро публицистической по своей основной интонации книгой Я. С. Лурье, востребованной не оказалась. И об этом тоже, о неуслышанном голосе Толстого, была написана ученым его книга. Не появилось вслед книге Лурье и обобщающего исследования о толстовской традиции в русской прозе XX века, подобного монографии «Достоевский и русские писатели XX века» (СПб., 2004) В. А. Туниманова (1937—2006), также сотрудника Пушкинского Дома и также ученого, для которого творчество Толстого не было основной областью научных исследований. Для серии «ЖЗЛ» В. А. Туниманов в соавторстве с А. М. Зверевым написал биографию Толстого, которая увидела свет в 2006 году — уже после, как ни печально, ухода из жизни обоих ее авторов.

С большим интересом был выслушан открывший вечернее заседание доклад Е. В. Петровской (СПбПУ) «Толстой в 1960-м году: встречи и прощания (50-летие смерти Толстого на родине и в русском зарубежье)». В докладе шла речь о том, как уход и смерть Толстого в 1960 году вспоминали и осмыслили люди поколения, разделенного историей на «уехавших» и «оставшихся», — писатели, публицисты, исследователи, родившиеся в 1880—1890-е годы и помнившие события 1910-го. Докладчица сопоставила публикации «толстовского года» в советской печати и эмигрантских изданиях, а также материалы Венецианского толстовского форума (29 июня 1960 года), где встретились две России — «советская делегация» и представители «русского зарубежья». По мысли Е. В. Петровской, с уходом из советского публичного дискурса толстовских тем старо-

сти и смерти уходило и представление о ступенях единой человеческой жизни, о связи поколений, о развитии, об истории, однако эти темы сохранялись на уровне «домашней», интимной прозы (дневники Н. С. Родионова, Б. М. Эйхенбаума, записи Л. Я. Гинзбург) — чтобы возродиться в конце XX века с возвращением в Россию философско-религиозных трудов эмигрантов первой волны.

Профессор Г. В. Жирков, заведующий кафедрой истории журналистики СПбГУ, в докладе «Эссеизм в публицистике Толстого», отметив, насколько мало занимаются сегодня как филологи, так и журналисты поздней толстовской публицистикой, обратился к основам ее формо- и стилеобразования. Эссеизм, по мнению докладчика, обусловленный в творчестве писателя 1880-х годов объективными и субъективными факторами и явившийся следствием его сомнений, размышлений, полемик, открыл для Толстого простор для диалога с читателем, в котором главным персонажем, как подчеркнул докладчик, «оставался Автор, с его мыслью и душой, с его энциклопедическими знаниями. Именно то, что Толстой был прирожденным художником, позволило ему и в публицистике, и в философии органично опереться на художническое восприятие жизни и синтезировать в эссеизме образ, мысль, чувства и эмоции». Главное внимание в докладе было уделено эссеистической природе толстовской «Исповеди», однако не только ей, но и критической, и учительной тенденциям в статьях «Одумайтесь!», «Великий грех», «Не могу молчать!» и др.

В докладе ведущего научного сотрудника ИРЛИ Г. А. Тиме «„Переживание“ немецкой мысли в России (К проблеме «Лев Толстой и Шопенгауэр»)» поставленная проблема рассматривалась в контексте как немецкой, так и русской философии. «Интеллектуальное отрицание воли у Шопенгауэра, — сказала докладчица, — то есть восстание человеческого духа против самой природы, стало необходимым этапом между мистикой Бёме, *откровением* Шеллинга и *бессознательным* Э. Гартмана и К. Юнга как экзистенциальной категорией. В России со времен Белинского рецепция немецкой философии во многом обуславливалась уникальной способностью русских к *переживанию идей и мыслей* на уровне интуиции, религиозного, художественного и даже бытового мироощущений». Интерес Толстого к Шопенгауэру, отметила далее докладчица, совпал с периодом, когда русский писатель двигался от преимущественного утверждения природных инстинктов (от Руссо) — к их осмыслению (через Канта) и почувствовал потребность «освободиться от природы» во имя духовно-нравственной свободы, т. е. приблизился к Шопенгауэру с его религиозной сострадания буддистского толка.

Далеко не всех присутствующих убедила развернутая С. А. Кибальником, ведущим научным сотрудником ИРЛИ, в докладе

«Толстой или Пруст? (Загадка «Вечера у Клэр»)», система аргументации. Докладчик настаивал на том, что Г. Газданов, не читавший Пруста ко времени создания своей повести, в целом ряде структурно-нарративных элементов (от сюжетных коллизий до образных мотивов и особенностей психологической интроспекции) опирался на опыт Толстого. Обоснованно прозвучали возражения, что художественные системы двух столь разных авторов невозможно сопрягать напрямую, без учета многочисленных опосредующих культурных звеньев.

Доклад «Толстой и музыка» Н. А. Николаева (С.-Петербургская консерватория) начала замечанием о том, что поставленная ею проблема остается малоизученной и не вполне раскрытой. Тем не менее исследования последних лет, прежде всего североамериканских ученых — Дж. Коварски («Мета-поэзис и метафизика музыки в „Воине и мире“»), Л. Кнапп («Толстой о музыкальном мимесисе: Эстетика и эротика Платона в „Крейцеровой сонате“»), Дж. Сканлана («Неоднозначная эстетика Толстого: музыка в „Крейцеровой сонате“ и других произведениях») и ряд других — позволили расширить понимание музыкальной поэтики в текстах Толстого и обозначить в них музыкальные топосы. Движение музыкальной идеи в творчестве писателя должно рассматриваться, как засвидетельствовала докладчица, в контексте русской художественной и музыкальной культуры в целом.

К сожалению, участникам конференции не удалось прослушать в полном объеме доклад И. Е. Прозорова (Библиотека им. В. В. Маяковского) «История Толстовского музея в Петербурге—Ленинграде», интерес к которому был вполне объясним, поскольку в нашем городе, когда-то имевшем собственный Толстовский центр, теперь такового нет. Докладчик представил тезисы, в которых отметил, что создание музея в 1911 году явилось следствием широкой общественной инициативы петербургской творческой и научной интеллигенции (вузовской, академической), оформившейся в Толстовское общество. Значительная часть коллекций сложилась в ходе организации Выставки для устройства Музея им. Л. Н. Толстого в Петербурге (15 марта—20 апреля 1909 года; Литейный пр., 42). По свидетельству Б. М. Чистякова (тогда студента-филолога, впоследствии друга В. И. Срезневского, директора Толстовского музея), наиболее значительный отдел выставки был представлен изданиями сочинений (в том числе нелегальными и зарубежными), которые впервые были выявлены с научной полнотой.

Открытый 27 марта (9 апреля) 1911 года на 1-й линии Васильевского острова, д. 24 и позднее неоднократно менявший адреса Музей ставил своей целью, помимо лекционно-просветительской, библиографическую работу, собиравшее всего написанного Тол-

стым и о Толстом, которую планомерно вели сначала А. Л. Бем, затем В. С. Спиридонов. В условиях экономической разрухи при поддержке руководителя Отделения русского языка и словесности РАН А. А. Шахматова 3 мая 1919 года на Общем собрании Академии наук Музей был принят в число академических учреждений (формально подчинялся БАН, где Рукописный отдел возглавлял В. И. Срезневский). В конце сентября 1930 года Музей был объединен с Пушкинским Домом и Комиссией по изданию сочинений Пушкина (с 1932 года — ИРЛИ). Фактически это привело к утрате позиций Ленинграда как ведущего центра толстоведения (и толстовской библиографии). Различные исследовательские, в том числе библиографические, работы музея были связаны с подготовкой (совместно с московским Толстовским обществом и Музеем Л. Н. Толстого) будущего «юбилейного» полного собрания сочинений писателя. Библиографические указатели, комментированные публикации отдельных произведений и переписки Толстого (с гр. А. А. Толстой, с Н. Н. Страховым и др.), воспоминания и исследования творчества писателя печатались в «Толстовских ежегодниках» (за 1911—1913 годы), сборниках «Толстой. Памятники творчества и жизни» (1917—1923), «Толстой, 1850—1860» (1927), выходили отдельными изданиями. Активное участие в них принимали А. Л. Бем, В. Д. Бонч-Бруевич, Б. Л. Модзалевский, В. И. Срезневский и многие другие. Дальнейшее исследование истории Толстовского музея, каким его видит И. Е. Прозоров, позволит более отчетливо проследить характер и широту профессиональных контактов петербургских—ленинградских ученых, оценить значение Музея как центра общественной жизни 1910—1920-х годов.

Г. В. Вахарева, директор библиотеки Пушкинского Дома, в докладе «Книжная коллекция Толстовского музея в библиотеке Пушкинского Дома» отметила заслуги сотрудников петербургского Толстовского музея в собирательской, издательской и библиографической области. В Музее, по ее словам, был организован учет всех изданий сочинений Толстого и литературы о нем, изобразительных материалов, составлялись указатели, которые до сих пор не утратили своего справочного значения. Книжный, журнальный, газетный фонды (всего 9157 единиц) Музея, прекратившего свое существование в 1930 году, поступили в библиотеку Пушкинского Дома, где хранятся в виде отдельного собрания. Однако, как заметила докладчица, создание его научного описания представляет трудноразрешимую задачу, поскольку отсутствуют данные о его сохранности, полноте и репрезентативности.

Конференция закончилась обсуждением прослушанных докладов.